

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ДЕЛО» В ГОДЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОДЪЕМА (Конец 70—начало 80-х годов XIX в.)

В. Г. СЕРЕБРЕННИКОВА

Журнал «Дело» с 1867 по 1884 г. был одним из передовых органов легальной демократической прессы. Он пользовался большой популярностью в широких демократических слоях и вызывал неприязнь и враждебность в консервативных и либеральных кругах, видевших в нем «опасный орган крайнего направления». «Дело» являлось преемником и продолжателем революционно-демократических традиций радикального журнала 60-х годов «Русское слово».

Основное ядро сотрудников «Дела» составляли участники революционного движения 60-х годов: Г. Е. Благосветлов — до 1880 г. являвшийся фактическим редактором журнала, Н. В. Шелгунов, С. С. Шашков, К. М. Станюкович («Откровенный писатель», Ф. Решимов¹) и др. В журнале сотрудничали и представители революционного народничества, связанные с подпольем, — П. Н. Ткачев (П. Никитин, «Все тот же», Жанэ), С. М. Степняк-Кравчинский (С. Горский) и Л. А. Тихомиров (И. Кольцов, И. К.), ставший позднее, как известно, ренегатом. На страницах «Дела» печатались статьи политических эмигрантов и деятелей зарубежного революционного движения — Л. И. Мечникова (В. Басардина), А. Эльскинда (А. Москвина), Ш.-В. Жаклара (Жика). С 1879 г. сотрудничал в «Деле» Н. С. Русанов. Публиковались в журнале статьи В. В. Берви (Н. Флеровского) и П. Л. Лаврова (П. Угрюмова).

В беллетристическом отделе журнала также выступали авторы демократического лагеря: А. Шеллер-Михайлов, Н. Бажин, поэт П. Быков, бывший одно время редактором «Дела», ряд беллетристов-народников (Н. Наумов, И. Салов и др.). По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин ценил многих писателей-реалистов, «которые печатались в «Современнике», «Деле», «Слове», «Отечественных записках»... за правильное изображение жизни, за проникновение в жизнь и быт народа»². В журнале публиковались произведения известных революционных деятелей Запада — Ж. Валлеса, Г. Лефрансэ и ряда прогрессивных европейских писателей — В. Гюго, Э. Золя, А. Додэ, Ги де Мопассана, Брет-Гарта, Переса Гальдоса и др. В «Деле» был помещен первый русский перевод знаменитого романа Р. Джованьоли «Спартак», сделанный С. Степняком-Кравчинским, но без его подписи³.

Цензура видела в «Деле» врага существующего строя, «настольную книгу той части нашей молодежи, которая является поборницей и последовательницей нигилизма и всех выразителей вредных и опасных учений этого рода»⁴. Главное управление по делам печати «цензурировало «Дело» с особой строгостью» — журнал не был освобожден от предварительной цензуры, причем все его статьи рассматривались не одним цензором, а на заседаниях Цензурного комитета. Было запрещено выписывать «Дело» в библиотеки учебных заведе-

¹ Здесь и далее в скобках указаны псевдонимы авторов.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях. «Литературная газета», 21 апреля 1955 г.

³ См. статью Л. Слухоцкого. Участие деятелей революционной эмиграции 1880-х гг. в «Деле», «Звезда», 1929, № 12.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 776 (Дела Глав. упр. по делам печати по изданию журнала «Дело»), оп. 3, д. 89, ч. II, л. 4а.

ний, а одно время — даже в журнальную комнату Публичной библиотеки⁵.

Но, несмотря на все рогатки и препоны цензуры, редакция журнала умела донести до широкой демократической общественности свои взгляды, свое отношение к основным политическим вопросам, которыми жила страна. Особой популярностью пользовалось «Дело» в провинции. Тираж журнала рос. В начале 70-х годов он составлял примерно 4000 экз., а в 1880 г. превысил 6000 экземпляров⁶.

Большое значение приобрел журнал «Дело», как и вся русская демократическая печать, в период общественного подъема и революционной ситуации конца 70 — начала 80-х годов XIX в.

Характерной чертой пореформенной эпохи, по определению В. И. Ленина, являлась борьба революционно-демократической и либерально-реформистской исторических тенденций, определявших историческое развитие России того периода, «исход борьбы за новую Россию». В. И. Ленин указывал, что начиная с 60-х годов эти тенденции все больше «развивались... и расходились все яснее, определеннее и решительнее»⁷. В конце 70 — начале 80-х годов обострились противоречия между многомиллионными массами крестьянства и господствующим классом дворян-помещиков, значительно возросли силы, борющиеся за революционно-демократический путь развития, за крестьянскую революцию. Отличительной чертой этой революционной ситуации было и наличие в ней классовой борьбы нового типа — борьбы молодого российского пролетариата против капиталистической эксплуатации. Важное политическое значение в этих условиях приобрели самоотверженные выступления народолюбцев против царизма, под знаменем «самой решительной борьбы против старой, крепостнической России»⁸. Наряду с этим, как указывал В. И. Ленин, народники 70-х годов по ряду важных теоретических вопросов сделали шаг назад по сравнению с «просветителями» 60-х годов. В 70-е годы оживилось и либеральное движение, пытавшееся сузить, обкарнить революционную классовую борьбу и свести дело к медленным частичным преобразованиям.

В журнале «Дело» получило отражение обострение классовой борьбы в стране. Публицистической деятельностью своих основных сотрудников «Дело» принимало в этой борьбе активное участие, занимая последовательные демократические позиции. Это делает журнал ценным источником для исследования таких важных вопросов, как борьба революционной и либеральной тенденций в разночинском народническом движении, отношение революционного народничества 70-х годов к революционно-демократическому «наследству» 60-х годов и др.

Между тем, журнал «Дело» сравнительно мало известен и изучен. Дореволюционная литература о «Деле» чрезвычайно бедна. Специальных работ, посвященных журналу, не было. Интересной является лишь биография основателя «Дела» Г. Е. Благосветлова, написанная Н. В. Шелгуновым, включающая ряд отрывков из писем Благосветлова, до нас не дошедших⁹.

В советский период число публикаций по журналу «Дело» возросло. Сведения, главным образом о начальном периоде деятельности журнала, содержатся в статьях Г. В. Прохорова «Судьба литературного наследия Г. Е. Благосветлова», «П. Н. Ткачев об издательской и литературной деятельности Г. Е. Благосветлова», А. А. Шилова

⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, д. 89, ч. 1, л. 51; ф. 777, оп. 2, (Дела СПб. Цензурного комитета по изданию журнала «Дело»), д. 76, ч. VIII, л. 16

⁶ АИРЛИ, ф. 583, д. 332, л. 34.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96, 97.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 214.

⁹ Г. Е. Благосветлов. Соч., СПб., 1882.

«Журнал «Дело» и Н. В. Шелгунов» и др.¹⁰. Серьезное значение для изучения журнала «Дело» имеют труды известного исследователя русского общественного движения Б. П. Козьмина¹¹. В 1959 г. вышла работа В. И. Есина «Демократический журнал «Дело»», посвященная первому пятилетию существования журнала¹². Но монографий и даже отдельных статей о деятельности журнала «Дело» за период общественного подъема конца 70 — начала 80-х годов нет.

Данное сообщение в основном ограничено хронологическими рамками 1878—1881 гг. Особое внимание обращено на 1879—1880 гг. — время революционной ситуации. Сообщение построено в основном на материалах самого журнала и ряда архивных фондов. Важнейшими из них являются дела Главного управления по делам печати и СПб. цензурного комитета по изданию журнала «Дело», личные фонды некоторых его сотрудников, а также письма, записки и другие относящиеся к журналу материалы¹³. Недавно в ЦГАЛИ поступила хранившаяся ранее в Красноярске так называемая «Коллекция Г. В. Юдина», содержащая наряду с другими, главным образом экономическими материалами, ряд документов из архива журнала «Дело»¹⁴, считавшегося утраченным¹⁵. К сожалению, эта коллекция еще недоступна для изучения.

* * *

Журнал «Дело» в целом отражал народническую идеологию, господствовавшую в России в разночинский период революционного движения. Но для журнала была характерна и критика некоторых важных теоретических положений народничества.

Нам представляется, что замечания В. И. Ленина о реалистичности взглядов народника 70-х годов А. Н. Энгельгардта и близости их к взглядам просветителей 60-х годов, могут быть отнесены в определенной мере и к журналу «Дело», ставившему своей основной задачей отстаивание «наследства» 60-х годов. Верность их идеям обеспечивала трезвое отношение журнала ко многим явлениям русской действительности.

Как известно, некоторые народники перед лицом очевидных фактов признавали наличие в России капиталистических отношений.

В «Деле» неоднократно отмечалось, что Россия прочно вступила на путь капиталистического развития, по которому шел Запад. Н. В. Шелгунов, а также Г. Е. Благодетлов и Н. С. Рusanов подчеркивали, что в русской экономике, как и в западноевропейской, господствуют общие капиталистические принципы — концентрация производства, конкуренция и анархия производства, приводящие к экономическим кризисам. «Попав в водоворот европейской политики и живя солидарной жизнью с Европой, мы должны вертеться в том же водовороте», —

¹⁰ См., напр., «Литературное наследство» № 7—8; сб. «Шестидесятые годы», под ред. Н. Пиканова и О. Цехновицера, АН СССР, 1940.

¹¹ Б. П. Козьмин. К биографии Благодетлова. «Каторга и ссылка», 1928, № 12; Е го же. Благодетлов и «Русское слово». «Современник», 1922, кн. 1; Е го же. Незданная записка Н. В. Шелгунова. «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9; Е го же. К биографии Благодетлова. «Каторга и ссылка», 1928, № 12; Е го же. Русская журналистика 70—80-х гг. XIX в., М., ВПШ, 1948.

¹² В. И. Есин. Демократический журнал «Дело», М., 1959.

¹³ Используемые в работе архивные материалы хранятся в ЦГИАЛ, архиве Института русской литературы (АИРЛИ), Центр. гос. архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

¹⁴ А. А. Преображенский. Коллекция Г. В. Юдина в Гос. архиве Красноярского края. «Археографический ежегодник по редакции М. Н. Тихомирова за 1958 г.», М., 1960., стр. 281.

¹⁵ См., письмо вдовы Благодетлова Е. А. Благодетловой Л. Н. Павленкову. АИРЛИ, ф. 569 (архив М. Ф. Де-Пуле), № 742.

писал Шелгунов¹⁶. В другой его статье говорилось: «Весь строй местной жизни в настоящем его виде производит впечатление колеса, в котором одинаково, но только в разных ящиках, вертятся и подрядчики, и рабочие, и землевладельцы, как бы охваченные сложившейся системой и установившимся экономическим бытом, в котором капитализм определяет все взаимные отношения, и никто не властен против этой системы» (1881, № 9, р. II, стр. 154).

Журнал писал и о развитии капиталистических отношений в сфере мелких кустарных промыслов. Н. Русанов, например, отмечал, что капитализм постепенно забирает в свои руки 10-миллионную армию кустарей и что «независимый кустарь есть в настоящее время почти такая же небывальщина, как жар-птица» (1880, № 12, р. II, стр. 66).

Большинству сотрудников «Дела» была чужда идеализация крестьянской общины. А. Пятковский (Н. Мизантропов) писал в своем сатирическом обозрении «Калейдоскоп», что подобный русскому порядок землевладения «существовал некогда и в Европе, но несмотря на свои теоретические достоинства, он не выдержал пробы времени и снесен прочь развитием политической жизни» (1877, № 10, р. II, стр. 122—123).

Основные авторы «Дела» отмечали также, что и в общине после отмены крепостного права происходит капиталистическое расслоение крестьянства, что община «оказалась абсолютно неспособной предохранить крестьян от бедности... и, самое главное,— от пролетариата» (1879, № 11, р. II, стр. 317).

Во всех этих правильных наблюдениях и выводах авторов «Дела» мы видим проявление «исторического реализма», который В. И. Ленин так ценил в просветителях 60-х годов и которого не хватало народникам 70-х годов¹⁷.

Журнал «Дело» сохранял верность и другому завету просветителей — защите «европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»¹⁸. В этом отношении характерно, что Н. В. Шелгунов, выступая против «дурных сторон цивилизации», вместе с тем призывал «выносить в самом себе все те идеи, которые создал европейский прогресс» (1880, № 4, р. II, стр. 115). Журнал ратовал за ликвидацию экономической отсталости страны, за индустриальный прогресс России. Шелгунов скорбел о «нашем черепашьем путешествии по пути экономического прогресса», о зависимости от Запада. Понимая значение создания технических кадров для индустриального развития страны, он проявлял заботу и о техническом «подготовительном образовании для людей торгово-промышленного класса» (1880, № 9, р. II, стр. 111). И по вопросу о будущем мелких земельных собственников в «Деле» высказывалось предположение, что в России «не произойдет ничего такого, что бы ни произошло в Западной Европе» (1880, № 7, р. II, стр. 58).

Журнал видел главную движущую силу истории в народных массах и подвергал критике реакционный народнический субъективный метод в социологии. Шелгунов определял его как заблуждение, которое «может принести вред многим, начинающим думать об общественных явлениях» (1879, № 1, р. I, стр. 152). Высокая оценка роли народных масс и массовых общественных движений была характерна также для публициста и историка С. С. Шашкова (см., напр., его статью «Падение Рима и Византизм», 1878, № 5, р. I). В таком же духе выдержаны и многие рецензии в библиографическом отделе журнала. В рецензии на книгу Э. Ван-ден-Берга «Краткая история Вос-

¹⁶ «Дело», 1878, № 10, р. I, стр. 142—143. Далее ссылки на журнал «Дело» даются в тексте, с указанием года издания, тома и раздела.

¹⁷ См. В. И. Ленин Соч., т. 2, стр. 484—485

¹⁸ Там же, стр. 472.

тока» автор высмеивает «историков, полагающих, что историю делает не народ» (1880, № 8, р. II, стр. 351).

Но ряд коренных положений народнической доктрины разделялся сотрудниками журнала «Дело», в том числе и теми, кто не причислял себя к народникам и даже их критиковал. Так, в чисто народническом духе, нередко вступая в противоречие с собственными утверждениями, они противопоставляли крестьянскую общину и кустарные промыслы как некое «народное производство» капиталистическому производству и выражали уверенность, что это «народное производство» устоит в борьбе с капитализмом и сумеет его побороть. Вопреки приводимым фактическим данным о капиталистическом развитии мелких промыслов Шелгунов заявлял, что лишь кустарь, как «носитель народного производства» может способствовать «благосостоянию и правильному развитию народного хозяйства» (1880, № 12, р. I, стр. 206).

Таким образом, некоторые сотрудники «Дела» из правильной характеристики русской действительности, опровергавшей по существу народническую теорию, делали народнические выводы. Не владея теорией марксизма, они не могли понять неизбежности развития в условиях товарного производства капиталистических отношений и их преходящего характера. По существу, как и все народники, они отрицали возможность применения учения Маркса и Энгельса к русской действительности. Но сам факт правдивого изображения этой действительности в журнале «Дело», признания неуклонного роста капиталистических отношений имел прогрессивное значение, подготавливая почву для полного разоблачения народнических реакционных утопий.

В. И. Ленин, критикуя народнические взгляды на общину, как на зародыш социализма, показал, что общинная форма землевладения несколько не препятствовала капиталистическому развитию России и что «действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством»¹⁹. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин определил исторически реальное и прогрессивное содержание народнической теории, заключающееся в том, что ее принципы «трудового начала» и «уравнительности», не являясь социалистическими принципами, представляют собой буржуазные лозунги самой решительной борьбы против крепостничества, за революционно-демократическое развитие.

Отстаивание интересов народных масс, решительная борьба с остатками крепостничества и средневековья являлись характерной чертой и журнала «Дело», особенно в период революционного подъема конца 70 — начала 80-х годов.

Сотрудники журнала понимали крепостнический характер крестьянской реформы 1861 г., выгодность ее для помещиков и разорительность для большей части крестьянства. Н. Шелгунов подчеркивал, что «улучшение пока коснулось юридического положения народа», тогда как вся экономическая и финансовая системы остались прежними (1878, № 5, р. I, стр. 355). К таким же выводам приходит и К. Станюкович. Отмечая чрезвычайную тяжесть для крестьян сохранившихся пережитков крепостничества, он восклицает: «Выходит нечто совсем невозможное, как будто бы крепостное право, хотя его де-юре и не существует» (1881, № 8, р. II, стр. 230).

Основное бедствие русской деревни журнал «Дело» видел в малоземелье. В то время консерваторы, а иногда и либералы, отрицали самый факт крестьянского малоземелья, утверждая, что наделы

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 279—280.

крестьян превышают будто бы рабочие силы крестьянских хозяйств²⁰. «Дело» решительно разоблачало эти реакционные утверждения. С. Шашков в статье «Экономический кризис в сердце России», писал, что крестьяне Московской губернии «терпят страшное утеснение в земле, и наделы большинства обществ Московской губернии не только не превышают рабочие силы крестьян, а, наоборот, являются слишком недостаточными для занятия их» (1881, № 2, р. II, стр. 62). Н. Шелгунов в одном из своих «Внутренних обозрений» отмечал, что крестьяне при системе «отрезков» имеют земли меньше, чем до реформы 1861 г. В этих же статьях показывалась и «крайняя невыгодность» для крестьян крепостнической отработочной аренды помещичьих земель, вызванной малоземельем.

В журнале указывалось и на рост налогового обложения крестьян после реформы, на крайнюю неравномерность обложения крестьянских и помещичьих земель (в частности, в анонимной статье «Записки земца», принадлежавшей перу Берви-Флеровского, 1881, № 11, р. II, стр. 70). В «Деле» приводились также многочисленные доказательства того, что крестьянские платежи намного, иногда даже в 5 раз, превышали доходность крестьянских земель (1878, № 9, р. I, стр. 147; 1881, № 3, р. II, стр. 154). Журнал часто помещал материал, ярко характеризующий резкое снижение жизненного уровня трудового крестьянства после «освободительной» реформы: сокращение прожиточного минимума крестьян, падение урожайности полей, уменьшение поголовья скота, все учащающиеся голодовки крестьян.

На своих страницах журнал отражал процесс дальнейшего резкого ухудшения положения народных масс в 1879—1881 гг. Подводя итоги 1879 г., обозреватель «Дела» писал: «Нищета, разорение и упадок — таковы характерные черты русской действительности» (1880, № 1, р. II, стр. 109). Зимой 1879/80 г. журнал считал «исключительно тяжелой для русских крестьян», а зиму 1880/81 г. в связи со страшным недородом 1880 г. — еще более бедственной.

Цензура преследовала «Дело» за правдивое изображение жизни народа. Так, было запрещено «Внутреннее обозрение» июльского номера журнала за 1880 г., так как в нем «разбирался вопрос о голоде, бедственном положении крестьянского населения и дороговизне», что «противоречит успокоительным правительственным сообщениям». Не была также допущена к печати статья Н. Шелгунова «Государственная роспись на 1879 г.» потому, что в ней говорилось о «податной способности народа, доведенной до последнего напряжения»²¹. Анонимная статья «Жертвы бедности и невежества», повествующая об ужасающих условиях жизни и труда крестьян и рабочих Череповецкого уезда, была весьма урезана цензурой и допущена к опубликованию лишь под названием «Гигиенические условия крестьянского быта»²².

Прогрессивное значение «Дела» заключалось не только в правдивом описании бедственного положения крестьянских масс. Журнал правильно видел причину этого положения в засилии помещичьего землевладения и в многочисленных остатках крепостничества. Журнал, как и весь революционно-демократический лагерь, поддерживал массовое крестьянское движение. Он сочувственно писал об усилившейся борьбе крестьян за землю. Сведения о крестьянских волнениях сообщались в журнале во «Внутренних обозрениях», в фельетонах К. Станюковича «Картинки общественной жизни», в некоторых публицистических статьях и беллетристических произведениях (напр., в романе К. Станюковича «Два брата», в очерках Н. Наумова и др.).

²⁰ См., напр., А. И. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах, СПб., 1876.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 76, ч. VII, лл. 302—304, 317.

²² АИРЛИ, ф. 273 (Архив П. В. Быкова), оп. 1, ед. 42, лл. 5—6.

Известно, что в конце 70-х годов среди крестьян стали упорно распространяться слухи о якобы предстоящем общем переделе земли, вызывавшие большое возбуждение. В напечатанном в июньском номере «Дела» за 1881 г. очерке Н. Наумова «Из летних экскурсий», названном самим автором «Экскурсии в область крестьянской жизни», получили отражение эти крестьянские настроения. Одно из действующих лиц очерка — старик-крестьянин говорит: «Теперь в одно только и веру питаем. Скоро передел земли будет!.. Иначе жить нам невозможно. Силы нет терпеть». В отзыве Главного управления по делам печати на этот очерк справедливо отмечалось, что «слова крестьянина проникнуты злостью к помещику»²³.

В анонимной статье «Современный сельскохозяйственный кризис в России» высказывалась уверенность, что переход земли в собственность крестьянства «будет совершаться с возрастающей быстротой до тех пор, пока не воцарится повсюду мелкий земледelec-землевладелец». В статье подчеркивалось, что происходившие изменения в землевладении приведут к «перестановке общественных и сословных отношений в стране», к «удалению помещичьего дворянства, «от земли»» (1880, № 7, р. II, стр. 47—51, 57). Автор не говорил прямо о крестьянской революции, которая только и могла «удалить» дворянство «от земли», но подводил читателя к мысли о ней. Такие же выводы можно было сделать и из статьи С. Шашкова «Прошедшее сельской общины». Основной источник бедственного положения крестьян автор видел в малых наделах. «Никакие финансовые реформы,— писал он,— не будут действительными без расширения средств крестьянского хозяйства до размеров наличных сил его, которые теперь, кроме своих земель, обрабатывают еще массу владельческих» (1878, № 10, р. II, стр. 57).

Такого рода статьи давали повод либералам и реакционерам обвинять революционно-демократическую прессу в пропаганде революционных идей. Автор анонимного доноса в Главное управление по делам печати в июне 1879 г. требовал «изъятия такой более или менее замаскированной проповеди социализма и революционных идей из вопросов, допущенных к обсуждению в периодической печати, ...как могущей порождать в среде крестьян и других лиц волнения и опасения». Мнение анонимного доносчика встретило полное сочувствие со стороны начальника Главного управления, наложившего резолюцию: «Совершенно справедливо. К сведению»²⁴.

Естественно поэтому, что журналы, чтобы обмануть бдительность цензуры, зачастую в целях пропаганды передовых идей обращались к историческому опыту других стран. В «Деле» помещались статьи о положении крестьян во Франции в конце XVIII в., перед буржуазной революцией. При этом открыто говорилось, что вопрос этот «самый любопытный для нас» и связан «с насущными интересами нашего общества» (1879, № 4, р. II, стр. 8—10). Публицисты «Дела» (Русанов, Станюкович и др.) не без основания отмечали некоторые черты сходства в положении крестьян предреволюционной Франции и пореформенной России (малоземелье, обработка, тяжелые повинности и т. д.), подводя читателя к мысли о необходимости для России революции, целью которой должно быть уничтожение помещичьего землевладения и других остатков крепостничества. Интересны в этой связи воспоминания Н. Русанова о его разговоре с И. С. Тургеневым: «Не думаете ли Вы,— спрашивает Русанов,— что у нас на носу революция? Разве нет большого сходства у теперешней России и дореволюционной Франции?»²⁵. Конеч-

²³ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, д. 89, ч. II, л. 84.

²⁴ Там же, д. 53, л. 272.

²⁵ «Былое», 1906, № 12, стр. 44.

но, на страницах легальных журналов не могло появиться слово «революция», вместо него употреблялся термин «изменение условий». «Во Франции,— писал К. Станюкович,— были времена, когда крестьяне, как известно, дошли до последней степени одичалости... но изменились условия и прекратились эти явления» (1878, № 8, р. II, стр. 134).

Наряду с такими по существу революционными призывами к «коренному изменению условий», мы встречаем в журнале и апелляции к правительству с просьбой уменьшить налоговый гнет, однако они не были характерными для «Дела».

Журнал «Дело» в статьях своих основных ведущих авторов последовательно защищал интересы крестьян в их борьбе против помещиков и пропагандировал, конечно, в рамках возможностей легального подцензурного органа, демократическое решение аграрного вопроса, революционно-демократический путь социально-экономического развития России.

Особенностью второй революционной ситуации по сравнению с первой является активная борьба пролетариата против капиталистической эксплуатации. Журнал «Дело» уделял большое внимание положению рабочего класса и рабочему движению в России. «Мы слишком долгое время игнорировали рабочий вопрос,— писал С. Приклонский в «Деле»,— и не успели обстоятельно и систематически изучить нужды и потребности наших рабочих так, чтобы иметь наготове полную программу существенно необходимых мероприятий» (1883, № 1, р. II, стр. 86). Журнал ставил одной из своих задач восполнить этот пробел.

В 1881 г. в «Деле» была опубликована работа С. Шашкова «Русский рабочий», содержащая богатый фактический материал о положении рабочего класса. Автор использовал результаты ряда исследований условий труда и быта российского пролетариата, проведенных в конце 1870 гг. И. Янжулом, Ф. Эрисманом и другими земскими деятелями. Такого рода статьи имели серьезное общественное значение; в отличие от статистических сборников и монографических исследований они были вполне доступны для широких кругов читателей.

В «Деле» сообщалось, что рабочий день в промышленности чрезвычайно продолжителен и не регламентирован никаким законодательством, приводились также многочисленные факты, свидетельствовавшие о крайне низких заработках рабочих (1881, № 6, р. I, стр. 217, 225; 1879, № 9, р. II, стр. 146). «Дело» поднимало голос протеста против тех условий, в которых находились дети и подростки, работавшие на фабриках наравне со взрослыми, нередко по 15—17 часов в сутки, и получавшие за свой труд не более трети от зарплаты рабочих-мужчин. Журнал приходил к выводу, что при господствовавших порядках большинство рабочих оставалось «в вечной кабале у хозяев и должны были отрабатывать свои неоплатные долги» (1881, № 6, р. I, стр. 220—222, 229). На ряде примеров вскрывались невыносимые антисанитарные условия труда рабочих. «Помещения на заводах, на фабриках, в мастерских представляют собой образцы таких ужасных клоак, что удивительно, как еще люди выдерживают»,— писал С. Шашков (1881, № 5, р. I, стр. 187). Это в полной мере относилось и к жилищам рабочих.

Правдивое изображение жизни рабочих очень беспокоило цензурные учреждения. В статье Шашкова были усмотрены «вредные тенденции», и пропустившие ее цензоры получили взыскания²⁶.

Какой-либо систематической информации о стачках и рабочих волнениях мы, по понятным причинам, в «Деле» не найдем. Но отдельные сведения о выступлениях рабочего класса все же появлялись на страницах журнала. Так, было помещено сообщение о большой забастовке рабочих на фабрике Хлудова в г. Ярцево Смоленской губернии в

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, д. 89, ч. II, л. 85.

1880 г., для подавления которой была применена военная сила: «зачинщики были арестованы, а недовольные в числе 800 человек отправлены по месту жительства» (1880, № 10, р. II, стр. 115). В «Хронике рабочего труда в России» С. Приклонского говорится о ряде стачек 1881—1882 гг. — о забастовке на торфяных разработках в Богородском уезде Московской губернии в 1881 г. с требованием увеличения заработной платы, о стачке рабочих на Пермском пушечном заводе в феврале 1882 г. в связи «со сбавкой заработной платы и притеснениями главного мастера», о «громадной стачке ткачей в Ревеле», вызванной резким снижением расценок, о «неудачной стачке на Кренгольмской мануфактуре в Нарве» в июле — августе 1882 г. (1883, № 1, р. II, стр. 76, 84).

Интересно отметить, что в статье С. Приклонского обосновывалось положение о необходимости организации рабочих союзов. «Чтобы образовать достаточный противовес силе капиталиста-нанимателя,— писал Приклонский,— рабочие должны сплотиться между собой в прочные союзы, находящиеся в постоянной связи между собой, для совместного и дружного преследования своих общих интересов» (1883, № 1, р. II, стр. 70).

Под влиянием растущего рабочего движения правительство в начале 80-х годов вынуждено было пойти на некоторые мероприятия по охране труда. Журнал отмечал известное положительное значение этого «первого опыта ограждения рабочих интересов» (1883, № 1, р. II, стр. 86), подчеркивая вместе с тем недостаточность государственной охраны труда для действительного улучшения положения рабочих. «Мы знаем,— писал К. Станюкович,— что во всех «цивилизованных» странах промышленная деятельность регламентируется законом; но и при этом мы знаем и тот прискорбный факт, что эта регламентация нисколько не гарантирует рабочего от самой наглой эксплуатации» (1879, № 10, р. II, стр. 38).

Однако сотрудники «Дела» как и все демократы-народники того времени, не могли правильно понять и оценить историческую миссию пролетариата, видели в нем лишь «экономического Макара», на которого валялись все бедствия капитализма, и нередко в народническом духе объявляли рабочий класс «второстепенным производителем» по сравнению с крестьянами, призывали к борьбе с «язвой пролетариатства».

Политический радикализм и боевой демократический характер журнала получили в конце 70 — начале 80-х годов особенно яркое выражение в его отношении к политике царского правительства, к либерально-реакционному лагерю и к революционному народолюбческому подполью, самоотверженно боровшемуся против самодержавия. Конечно, при освещении этих вопросов журналу приходилось весьма осторожно выражать свои мысли, зачастую прибегая к так называемому Эзопову языку. Но сами цензоры признавали, что читатели «Дела» «умели читать между строк и понимать все статьи по-своему»²⁷.

«Дело» пыталось поднять голос протеста против полицейского террора. К. Станюкович в обозрении «Беседа на темы дня» напоминал читателю о периоде реакции после Крымской войны, когда «более чувкие люди задыхались от гнета, уезжали за границу, умирали от чихотки, сходили с ума... Администрация усмиряла бунтовщиков». Автор давал понять, что и теперь положение не изменилось. Однако цензура вычеркнула это место, и оно дошло до нас лишь в корректурных листах²⁸.

Особый интерес представляют политические позиции журнала в 1879—1880 гг., т. е. в период второй революционной ситуации. В то

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, ед. 89, ч. II, л. 390.

²⁸ АИРЛИ, ф. 432, № 3 (Архив К. Станюковича).

время как либеральная печать с восторгом приветствовала «новый правительственный курс» Лорис-Меликова и его широкообещательные обещания, основное ядро сотрудников «Дела» отрицало возможность «императорского прогресса» и характеризовало политику правительства как сочетание «уложения о наказаниях» с подкупом «недовольных» (1880, № 2, р. II, стр. 145—147). Высмеивая либералов, журнал писал, что они «готовы по поводу выеденного яйца рассчитывать на золотые яйца и надеяться, что из них постепенно, с божьей помощью выльются по дырленку» (1880, № 6, р. II, стр. 135).

Журнал сумел разглядеть общую антинародную сущность либералов и консерваторов. В этом отношении очень характерно замечание К. Станюковича, что либералы и консерваторы соперничают в преданности начальству и одинаково отрицательно относятся к революционной партии (1880, № 4, р. II, стр. 119, 120). В полемике с либеральной газетой «Голос» редакция журнала писала: «Не вы ли после известных событий (подразумевается ряд покушений на Александра II.—В. С.) напечатали статью, в которой советовали обнажить государственный меч и действовать им беспощадно» (1880, № 7, р. II, стр. 115). «Дело» бичевало лицемерные заботы либералов о народе, те, по выражению К. Станюковича, «добрые намерения, которыми вымощен ад и сердце всякого либерала, имеющего возможность получить хороший доход за сокращение человеческой жизни» (1880, № 4, р. II, стр. 76).

С честью продолжало «Дело» и борьбу против лагеря открытых реакционеров, которую вели просветители 60-х годов. Так, журнал разоблачал обскурантизм новой газеты И. Аксакова «Русь», ее упование на «всесилие божественного промысла» и неверие в научное знание (1880, № 12, р. II, стр. 99—100).

В дни пушкинского праздника 1880 г., когда славянофильские консерваторы и либералы пытались доказать принадлежность Пушкина к их лагерю, «Дело» дало им достойный отпор. Журнал писал, что речь Достоевского, направленная против революционной борьбы и призывающая к смирению, пришлась бы «по плечу «Московским ведомостям»» (1880, № 7, р. II, стр. 120), а сам Достоевский сопричислился к сонму таких людей, как Магницкий, Рунич, Шишков (1880, № 9, р. II, стр. 168).

Вместе с тем журнал сочувственно относился к борьбе революционеров-народников, и некоторые его сотрудники были связаны с революционным подпольем. В рукописи участницы революционного движения того времени писательницы П. С. Ивановской-Волощенко «Очерки истории революционного движения в России 1870—80-х гг.» указывается, что «в редакциях журналов «Дело», «Отечественные записки» и «Слово» перед 1 марта 1881 г. знали и говорили о предстоящем событии», «Михайловский, Кривенко, Шелгунов, Успенский ждали его, и накануне 1-го марта на квартире у Н. В. Шелгунова обсуждали политический момент»²⁹. О сочувствии революционерам и о резкой оппозиции правительству свидетельствует также тон журнальных сообщений о покушениях на Александра II в 1879 г. и 1880 гг. Они помещались в самом конце номера и повторяли лишь официальные сообщения из «Правительственного вестника». Подобная информация о покушениях на царя вызывала явное неудовольствие правительственных органов тем, что она печаталась «как ничего не значащее происшествие», там, где помещаются объявления, и «не сопровождалась ни осуждением, ни порицанием»³⁰.

В ряде беллетристических произведений, опубликованных в «Деле», за которыми цензура следила менее пристально, были выведены обра-

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 1207, д. 42, л. 10.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, д. 53, л. 294.

зы революционеров (офицер Мутавкин в романе А. Шеллера-Михайлова «Беспечальное житье», революционер Мирзоев в романе К. Станюковича «Два брата», народник, ведущий работу среди крестьян, в очерках Н. Наумова «Из летних экскурсий» и т. д.). Такие произведения будили в читателях чувство глубокого уважения к революционному подполью.

Особенно охотно обращалось «Дело» к образам революционных демократов 1840—1860 гг. В В. Г. Белинском журнал ценил не только лучшего русского литературного критика, но, прежде всего, борца за народное дело, за уничтожение крепостного права. В революционных деятелях 60-х годов сотрудники «Дела» видели важнейшую ведущую силу в общественном движении своего времени. «Не беллетристы и поэты,— писал С. Шашков,— а критики и публицисты, как Добролюбов и Писарев, стояли во главе умственного движения 60-х гг. Они задавали тон ему, они направляли ход его, они ясно и сознательно видели и понимали, что нужно народу» (1878, № 3, р. I, стр. 302—303). Естественно, что автор не упоминал запрещенные в то время имена Чернышевского и Герцена, но имел их в виду, говоря не только о Белинском или Добролюбове, но о Белинском, Добролюбове и их друзьях.

Заслуживает внимания и тот факт, что некоторые авторы «Дела» — народовольцы давали высокую оценку революционным демократам 60-х годов. Так, в статье «Неразрешенные вопросы» Н. А. Добролюбов назывался «крупнейшим типом 60-х годов», борцом за идею народной революции, «коренного изменения общественных условий» (1881, № 1, р. I, стр. 12—13, 31).

«Дело», продолжая революционно-демократические традиции просветителей 60-х годов, боролось за демократическое преобразование России, побуждало читателей к «сопоставлению опыта Европы». Особо нужно отметить ту роль, которую играл журнал в ознакомлении русского общества с революционным движением и борьбой рабочего класса в передовых европейских странах.

Наибольшее внимание «Дело» уделяло истории революционного движения во Франции в XIX в. В ряде статей высоко оценивалась роль рабочего класса во Французской революции 1848 г. Но демократы «Дела» оказались неспособными понять историческое значение июньского восстания 1848 г., явившегося, по определению В. И. Ленина, «первой великой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией»³¹. Интерес к революционным событиям во Франции 1871 г. особенно возрос в начале 80-х годов, когда по амнистии начали возвращаться на родину многие осужденные на каторгу коммунары. Все статьи и воспоминания о Коммуне, публиковавшиеся в «Деле», проникнуты симпатией к ее участникам. В 1881 г. были напечатаны «Воспоминания ссыльного» — мемуары участника Парижской коммуны Симона Майера. В 1879 г. в журнале, впервые на русском языке, была опубликована первая часть автобиографической трилогии «Жак Вентра» члена I Интернационала и участника Парижской коммуны писателя Жюль Валлеса (под псевдонимом Жак Ларю). Особый интерес представляют воспоминания Г. Лефрансэ (Гальфранка), относящиеся к 1848—1871 гг. Лефрансэ писал, что клич коммунаров «Да здравствует социальная республика!» становится лозунгом будущего (1881, № 9, р. I, стр. 173). Героем повести П. Маголена «Бездомный» являлся республиканец-коммунар. Много внимания уделялось судьбе коммунаров в «Политических и общественных хрониках», присылаемых ежемесячно из Парижа бывшим участником Парижской коммуны Шарлем-Виктором Жакларом.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 283.

Журнал широко освещал борьбу колониальных народов за свое освобождение. В статьях, характеризующих тяжелое положение угнетенных народных масс Индии, Китая, Индонезии, Афганистана, Ирана, Алжира, Центральной и Южной Африки, французских колоний в Америке, в Полинезии и др., особое внимание обращалось на разоблачение английской и французской колониальной политики. Приветствуя упорную борьбу алжирского народа против французских завоевателей, журнал видел единственный выход для Франции в том, чтобы «изменить самым коренным образом систему... обратиться к новым, противоположным методам», и призывал обращаться с алжирцем «как с человеком свободным» (1881, № 11, р. II, стр. 164).

Писал журнал и о положении в Египте. В статье «Революция в Каире и египетский вопрос» говорится о выступлении в Египте «национальной партии», стремящейся к автономии, и о том, что такое стремление «не особенно нравится в Лондоне». Автор объясняет это тем, что европейские капиталисты боятся потерять свои позиции в Египте, так как «Египет — это значит Суэц, Индия, путь на Восток и один из величайших мировых путей» (1881, № 10, р. II, стр. 147, 125).

Освещая освободительное движение и борьбу пролетариата за рубежом, журнал таким образом пропагандировал и свои политические взгляды, свое отношение к русской действительности. Н. В. Шелгунов писал, что часто приходилось для дезориентации цензуры помещать «статьи о французских углекопах по французским фактам и приглашать составить заключение об углекопах русских»³².

«Дело» принимало участие и в ознакомлении русской общественности с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Любопытно, что, по свидетельству Н. Русанова, Н. Шелгунов в 1880 г. предлагал проводить в журнале идеи Маркса и говорил, что он «в них многому прямо сочувствует»³³.

В статье Русанова «Преимственность экономических аксиом» (заглавие дано Шелгуновым) особенно подчеркивалась роль Маркса, как критика капитализма, начавшего «вскрывать ножом политической экономии тело современного общества» (1881, № 1, р. I, стр. 249). В центре статьи — изложение марксистского учения о прибавочной стоимости, опирающееся на обширные выдержки из работ К. Маркса.

В нашей литературе высказывалась мысль, что в 70-е годы в России получили распространение лишь экономические взгляды Маркса³⁴. С этим нельзя, однако, полностью согласиться. В «Деле» помещались статьи и рецензии, авторы которых стремились популяризировать и социологические взгляды Маркса. Так, книга Э. Фримана «Очерки истории Европы» критиковалась за то, что в ней совсем не сказано об «отношениях людей между собой и к природе в процессе материального производства» (1880, № 6, р. II, стр. 76). В журнале делалась также попытка материалистически объяснить сущность государства как организации господствующего класса. В рецензии на книгу А. Л. Блока «Государственная власть в европейском обществе» доказывается, что каждому общественно-экономическому строю соответствует свой политический порядок и, что «если когда-нибудь «четвертое сословие» (рабочий класс, трудящиеся.— В. С.) действительно получит преобладающее влияние в политике, то существующие политические формы ока-

³² Б. П. Козьмин. Неизданная записка Н. В. Шелгунова. «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 165.

³³ Н. Русанов. На родине, М., 1931, стр. 327. Однако статьи по отдельным вопросам марксистской теории, печатавшиеся в 1880—1881 гг. в «Деле», остались до сих пор мало известными, и о них не упомянуто даже в недавно вышедшей обстоятельной работе А. Л. Реуэла «Русская экономическая мысль 60—70-х гг. XIX века и марксизм» (1956 г.)

³⁴ См. В. Воровский. К истории марксизма в России, М., 1919, стр. 8.

жутся неудовлетворяющими новым потребностям» (1880, № 10, р. II, стр. 101). В статье Н. Русанова «Экономика и политика», помещенной в № 3 журнала за 1881 г., кратко излагается по «Введению» к работе «К критике политической экономии» К. Маркса его учение о развитии производительных сил, экономических отношениях, о политических и прочих надстройках. В статье приводится известная цитата из «Ниццеты философии» о том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Но во всем статьям «Дела» по этим вопросам, в том числе и статьям Н. Русанова, считавшего себя в то время марксистом, было свойственно непонимание революционной сущности марксизма, его принципиального отличия от предшествующих общественных учений. В них проявлялась народническая тенденция — стремление использовать критику Марксом капиталистического строя для обоснования идеи некапиталистического развития России. Так, в рецензии на книгу И. Иванюкова отмечалось, что «опыт западной цивилизации предостерегает нас от ошибок, сделанных нашими старшими братьями» (1880, № 11, р. II, стр. 79).

Цензурный комитет очень неодобрительно относился к статьям о Марксе и его учении; цензура не разрешила, в частности, опубликовать в журнале статью, посвященную жизненному пути К. Маркса, так как подобные статьи «легко могут затронуть пылкое воображение читающей молодежи»³⁵.

Итак, в годы второй революционной ситуации журнал «Дело» был органом демократической, народнической публицистики, горячо отстаивавшим интересы народных масс. Журнал опирался на идейное наследие революционеров-демократов 60-х годов, ратовал за коренные политические преобразования, за ликвидацию помещичьего землевладения, уничтожение всех пережитков крепостничества и средневековья, боролся против реакции и либерализма. Вместе с тем в журнале подвергались критике и некоторые теоретические положения народников 70-х годов. Хотя часть сотрудников «Дела» и испытывала либеральные колебания, но они не были характерны для журнала.

Мы не имеем возможности останавливаться здесь на вопросе о политических позициях «Дела» в период после 1 марта 1881 г. Он заслуживает самостоятельного рассмотрения. Отметим лишь, что в условиях резкого ослабления революционных сил, все усиливающейся политической реакции и цензурного террора, журнал в целом сохранил свой боевой демократический характер и оппозиционный дух, который продолжал жить и в передовой общественности страны. «Дело» и в эту мрачную пору продолжало в статьях своих лучших сотрудников разоблачать антинародную сущность царизма, протестуя против разгула шовинистических настроений и «реакционного безумия», охватившего консервативную и либеральную печать после марта 1881 г., высмеивало «преобразовательную» деятельность правительства, вскрывая ее бесплодность. В связи с этим цензура усилила гонения на журнал. В 1883 г. был арестован Н. В. Шелгунов, в 1884 г. — К. М. Станюкович. На этом фактически заканчивается история демократического журнала «Дело»³⁶. При всех серьезных недостатках журнал до 1884 г. соответствовал высокому званию «тенденциозного журнала противоправительственного направления», которое он носил с честью почти два десятилетия.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, д. 76, ч. VIII, л. 30.

³⁶ Журнал просуществовал до 1888 г., утратив в последние годы свое общественно-политическое значение.

